

сильные эмоции, таящего глубокий смысл. Музыка издавна служила излюбленной темой самых разных мифологий, в которых она представляла магической силой, способной исцелять болезни, освобождать человека от рабства времени, божественным даром, подражанием музыке Сфер, причиной поддержания или разрушения мировой гармонии и социального порядка.

Музыка и сама живет в мифологическом мире. Миф есть не выдумка или фикция, но диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще.

Внутри самого себя миф содержит диалектику первоизданной, доисторической, не перешедшей в становление личности и личности исторической, становящейся. Миф - неделимый синтез этих обеих сфер. Именно чудо есть то, что так подчеркивает темную природу мифа, делает ее напряженной и углубленной. Наконец, миф - не субстанциональное самоутверждение личности в вечности, но энергичное, феноменальное ее самоутверждение, независимо от проблемы взаимоотношений вечности и времени.

Соответственно музыка - это пребывание в реальности, открытие реальности, которая материализуется в звучащем поле, развернутом во времени, необходимом для осуществления этой, уже метафизически существующей реальности в душе человека. Музыка есть реальность композитора, исполнителя, слушателя, когда, оставив суждения, он теряет в ней свое Я, отождествляется с ней, становится частью, тождественной целому.

Таким образом, музыка не только путь к постижению сущности бытия, трансцендентного, вечного, она представляет собой особый мир, обладающий собственным бытием. Она не рассказывает об этом мире, не описывает его, но сама есть этот мир.

В.Д. Жукоцкий

РЕЛИГИЯ В МИРЕ КУЛЬТУРЫ ИЛИ КУЛЬТУРА В МИРЕ РЕЛИГИИ?

Ситуация всеобщего интереса к религиозным вопросам, в его самых неожиданных экспрессивных проявлениях - первейший симптом общественного неблагополучия. Так было в России на рубеже XIX - XX вв. Так происходит и сейчас. Едва ли можно сознательно повлиять на эту объективно развивающуюся социально-культурную ситуацию. Но попытаться *понять* ее и хотя бы отчасти скорректировать вполне возможно. Быть может, главная методологическая проблема сегодня заключается в том, как соотносятся *континуумы* религии и культуры? Теологическая версия гласит: первый порождает и поглощает второй. Светская версия утверждает обратное. Следовательно, решающий вопрос состоит в возможности их со-

гласования. Благо, в наше время горизонты свободного религиозного сознания значительно шире, чем они были до революции.

Современное религиозное мышление, свободное от поляристей навязчивого теизма и атеизма, обнаруживает такое же отношение к их наиболее воинствующим формам, какое классические формы монотеизма обнаруживали к первобытному тотемизму. Здесь налицо качественный скачок. Теистический и атеистический векторы религиозного сознания составляют его природу и потому по-своему вечны и неизменны. Зато воинствующие формы теизма и атеизма носят явно исторически преходящий характер и из статуса абсолютных культуuroобразующих форм переходят в разряд относительных.

Отсюда не следует, что может возобладать конфессиональная размытость, что тексты священных книг могут утратить свое значение. Напротив, они выступают предметной формой религиозного *размышления* (разномыслия), т.е. рефлектирующего обыгрывания того, что уже присутствует в нем в качестве “я верую”, в качестве *пребывания* в отношении веры.

Ф.Шлейермахер сформулировал это по-своему: “Не всякий имеет религию, кто *верит* в какое-либо Священное Писание, а лишь тот, кто *понимает* его живо и непосредственно и кто, следовательно, сам по себе легче всего мог бы обойтись без него”¹. И хотя сам немецкий философ апеллирует непосредственно к недогматическим формам теизма, не трудно заметить, что та же логика действует и в более широком контексте свободной религиозности. Неслучайно Г.Гейне определяет теизм как более универсальную религиозную форму, как средство разрушения более традиционных религиозно-догматических форм².

Все это по-новому ставит вопрос о *свободомыслии*. Относится ли данный социокультурный феномен к религии или, напротив, противостоит ей? В свете проведенного анализа этот вопрос не вызывает затруднений. Те многочисленные формы догматически-теистических вероучений, которые получили в истории наименование *религий*, безусловно, противостоят многообразным формам свободомыслия. Но *религия*, как универсальная форма решения смысложизненных проблем человека, включает в себя и те, и другие. О каких же видах свободомыслия идет речь? Это индифферентизм, антиклерикализм, ересь, скептицизм, деизм, пантеизм, натурализм, гуманизм, агностицизм, атеизм, нигилизм. Их многообразие определяется как содержательными, так и функциональными аспектами развития религиозной культуры, которая протекает в интенциональной двойственности *сакрализации* и *секуляризации*. Сам термин “*атеизм*” способен при этом выступать синонимом, общим знаком свободомыслия.

---

¹ См.: Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирующим: Монологи. М., 1911. С.99.

² См.: Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. М., 1994.

Религиозное измерение погружает человека в непроговариваемую глубину первичного отношения к жизни, когда он как бы говорит себе: *я верую*, что все события жизни развертываются как сложный синтез моей свободной воли и внешних обстоятельств, за которыми скрыт *универсальный субъект*; он то возвышается над всеми, то растворяется во всем, то говорит во мне, то откликается в другом; он раздвигает границы моего индивидуального круга, отвечая на мое усилие; он всюду и нигде в отдельности. Так на смену формальной логике невольно приходит «логика» *партиципации*, такой сопричастности единичного целому, которая не имеет фиксированных границ.

Такова природа живой *социальной связи*, рождающей *субъектное качество*, подлинную ценность - *стоимость* человеческого бытия (по Марксу). И если у меня нет под рукой надежного средства, хотя бы условно зафиксировать этот вечно ускользающий “солнечный зайчик” бытия, я никогда не откажу себе в обращении к *Богу*. И буду прав. Ибо плохо, когда нет никакой опоры, хотя еще хуже, когда тебе навязывают ее извне. В этом и состоит секрет *свободы совести*.

Я-внутреннее и Ты-внешнее образуют слоенный поток согласований и конфронтаций Мы-единого. И если происходит не только духовный, но и социокультурный синтез, то мир в нас и через нас *становится Богом*: нисходящим на нас *Новым Иерусалимом*, о котором известно, что в нем нет Храма. Для этого не надо *бить* челом в ожидании “машны небесной”, достаточно просто *быть* верующим, *пребывающим* в первообразе бытия Целого.

Позволительно ли сказать, что этот текст рисует сюжет исключительного *тождества* теизма и атеизма? Если этот опыт имеет шансы на успех, то значит религия - возможный адепт культуры, а культура - действительный адепт религии.

З.Р. Жукоцкая

РОЛЬ УЧЕБНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Самая серьезная и глубокая информация вовсе не противоречит возможности получения радости и наслаждения от ее восприятия...

Не “упускаем” ли мы из наших рук телевидение, боясь признать гедонистическую функцию каждой его передачи?! Именно каждой!

Л.Н.Коган

Рассмотрение учебного телевидения как целостного образования, целостной системы имеет решающее значение в изучении всех аспектов